

2. Закон и собственность

Такое преобразование системы труда подразумевает изменение закона. Разумеется, не обязательно, чтобы новые законы сначала были утверждены Парламентом или Конгрессом. Речь идёт об изменениях в глубине общества [в обычаях и практике общества], далеко выходящих за рамки таких временных вещей, как акты Парламента. Это касается основополагающих законов не только одной страны, но и человеческого сообщества, основанного на убеждениях человека в Праве и Справедливости.

Эти законы не являются неоспоримыми. Несомненно, правящие классы всегда пытались увековечить существующий закон, провозглашая, что он основан на природе, основан на вечных правах человека или освящен религией. Это делается ради сохранения их прерогатив и обречения эксплуатируемых классов на вечное рабство. Исторические свидетельства, напротив, показывают, что закон постоянно менялся в соответствии с меняющимися представлениями о добре и зле.

Чувство добра и зла, сознание справедливости в людях, не случайно. Оно вырастает неотвратимо по своей природе из того, что они переживают как фундаментальные условия своей жизни. Общество должно жить; поэтому отношения между людьми должны регулироваться подобным образом — это то, что предусматривает закон, — чтобы производство жизненно важных благ могло продолжаться беспрепятственно. Право — это то, что по существу правильно и необходимо для жизни. Не только полезное на данный момент, но и необходимое вообще; не для жизни отдельных индивидов, а для людей в целом, для общества; не для личных или временных интересов, а для общего и продолжительного существования. Если изменяются условия жизни, если система производства развивается в новые формы, меняются отношения между людьми, меняется их ощущение того, что правильно, а что нет, и меняется закон.

Это наиболее отчетливо видно в законах, регулирующих право собственности. Изначально в диком и варварском государстве земля считалась принадлежащей племени, которое на ней жило, охотилось или пасло скот. Выражаясь в наших терминах, следует сказать, что земля была общей собственностью племени, которое использовало ее для своей жизни и защищало от других племен. Самодельное оружие и орудия труда были аксессуарами человека, а потому являлись своего рода частной собственностью, хотя и не в нашем понимании этого слова, в силу прочных взаимных связей между племенами. Не законы, а пользование и обычаи регулировали их взаимоотношения. Такие первобытные народы, даже земледельческие в более поздние времена (как русские крестьяне до 1861 г.) не могли представить себе идею частной собственности на земельный участок так же, как мы не можем представить себе идею частной собственности на квант воздуха.

Эти правила должны были измениться, когда племена оседали и расширялись, расчищали леса и распадалась на отдельные личности (т.е. семьи), каждая из которых работала на

отдельном участке. Они еще больше изменились, когда ремесло отделилось от сельского хозяйства, когда от повседневной работы всех это стало постоянной работой некоторых: когда продукты стали товарами, чтобы продаваться в условиях постоянной торговли и потребляться не только производителями. Вполне естественно, что фермер, который обрабатывал кусок земли, который ее улучшал, который делал свою работу по своей воле, без вмешательства других, имел право свободного распоряжения землей и орудиями труда; что продукция была его; что земля и продукция были его собственностью. В средневековые времена ограничения могли быть необходимы для обороны в виде возможных феодальных обязательств. Вполне естественно, что ремесленник, как единственный, кто обращался со своими инструментами, имел исключительное право распоряжаться ими, а также вещами, которые он производил; что он был единственным владельцем.

Таким образом, частная собственность стала фундаментальным законом общества, основанного на малых рабочих группах. Не будучи четко сформулированной, в качестве необходимого права было признано, что кто бы ни занимался непосредственно орудиями труда, землей, продукцией, должен быть их владельцем, должен иметь возможность свободно распоряжаться ими. Частная собственность на средства производства принадлежит в качестве необходимого юридического атрибута мелкой торговли.

Она осталась таковой, когда капитализм стал хозяином промышленности. Она была выражена еще более осознанно, Французская революция провозгласила свободу, равенство и собственность основными правами гражданина. Частная собственность на средства производства просто применялась, когда вместо некоторых учеников мастер-ремесленник нанимал большее число служащих, которые помогали ему, работали с его инструментами и делали для него изделия на продажу. Посредством эксплуатации трудовой силы рабочих, фабрики и машины, как частная собственность капиталиста, стали источником огромного и постоянно растущего прироста капитала. Здесь частная собственность выполняла новую функцию в обществе. Как капиталистическая собственность, она обеспечивала власть и растущее богатство новому правящему классу, капиталистам, и позволяла им решительно наращивать производительность труда и расширять своё господство над Землёй. Таким образом, этот юридический институт, несмотря на деградацию и страдания эксплуатируемых рабочих, ощущался как хороший и благотворный, даже необходимый институт, обещающий неограниченный прогресс для общества.

Однако это обстоятельство постепенно изменило внутренний характер общественной системы. И тем самым снова изменилась функция частной собственности. В акционерных обществах разделяется двойственный характер собственника капиталистического предприятия, который управляет производством и присваивает себе прибавочную стоимость. Труд и собственность, в старые добрые времена тесно связанные между собой, теперь разделены. Владельцы – это акционеры, живущие вне процесса производства, бездельничающие в отдаленных загородных домах и, возможно, занимающиеся спекуляциями на бирже. Акционер не имеет непосредственного отношения к работе. Его собственность не состоит из инструментов, с которыми он может работать. Его имущество состоит просто из клочков бумаги, в акциях предприятий, о местонахождении которых он даже не знает. Его функция в обществе – это функция паразита. Его собственность не означает, что он управляет и контролирует машины: это исключительное право директора.

Это означает только то, что он может претендовать на определенную сумму денег, не работая на нее. Переданная ему собственность, его акции — это сертификаты, свидетельствующие о его праве, гарантированном законом и правительством, судами и полицией, на участие в прибыли; титулы товарищества в этом крупном Обществе по эксплуатации мира, то есть капитализме.

Работа на заводах идет совершенно обособленно от акционеров. Здесь директор и персонал весь день заботятся, регулируют, бегают, думают обо всем, рабочие работают и трудятся с утра до вечера, спешат и подвергаются издевательствам. Каждый должен приложить максимум усилий, чтобы произвести как можно больше продукции. Но продукт их общей работы не для тех, кто осуществлял эту работу. Так же, как в старые добрые времена горожане были разграблены бандами придорожных грабителей, так и теперь люди, полностью посторонние для производства, выходят и, на основании своих бумаг (как зарегистрированные владельцы долевого участия), изымают основную часть продукции. Не насильно; не пошевелив ни пальцем, они автоматически обнаруживают, что она записана на их банковский счет. Для тех, кто вместе выполнял работу по производству, остается только низкая заработная плата или умеренный оклад, а все остальное — дивиденды, которые берут на себя акционеры. Это бред? Это новая функция частной собственности на средства производства. Это просто практика старого унаследованного закона, применяемая к новым формам труда, к которым она больше не подходит.

Здесь мы видим, как общественная функция юридического института в результате постепенного изменения форм производства, превращается в совершенно противоположную его первоначальной цели. Частная собственность, изначально являвшаяся средством предоставления всем возможности продуктивного труда, теперь превратилась в средство, препятствующее свободному использованию работниками орудий производства. Первоначально она была средством для того, чтобы обеспечить трудящихся плодами их труда, а теперь превратилась в средство, лишаящее работников плодов их труда в интересах класса бесполезных паразитов.

Как же так получается, что такой устаревший закон все еще господствует над обществом? Прежде всего потому, что многочисленные представители среднего и малого бизнеса, фермеры и независимые ремесленники цепляются за него, полагая, что он гарантирует им их небольшую собственность и средства к существованию; но в результате часто со своими ипотечными активами, они становятся жертвами ростовщичества и банковского капитала. Когда они говорят: «Я сам себе хозяин», имеется в виду: «Я не должен подчиняться чужому хозяину»; общность в работе на равных, как и сотрудничество, находится далеко за пределами их воображения. Второе и главное, потому что власть государства, с его полицией и военной силой, отстаивает старые законы на благо правящего класса, капиталистов.

В рабочем классе, сейчас, осознание этого противоречия возникает как новое ощущение права и справедливости. Старое право, через развитие мелкой торговли в крупный бизнес, превратилось в неправильное, и оно ощущается как неправильное. Оно противоречит очевидному правилу, что те, кто выполняет работу и управляет оборудованием, должны распоряжаться им, чтобы организовать и выполнить работу наилучшим образом. Маленький

инструмент, маленький участок может быть обработан и использован отдельным человеком вместе со своей семьей. Таким образом, этот человек распоряжался им, был владельцем. С большими станками, фабриками, крупными предприятиями можно обращаться и работать только организованным коллективом рабочих, сообществом сотрудничающих сил. Таким образом, этот орган, сообщество, должно иметь [средства производства] в своем распоряжении, чтобы организовать работу в соответствии с их общей волей. Эта общая собственность не означает собственность в старом смысле этого слова, как право пользования или злоупотребления по своему усмотрению. Каждое предприятие является, однако, частью всего производственного аппарата общества; поэтому право каждого органа или общины производителей ограничивается преимущественным правом общества и должно осуществляться в постоянной связи с другими.

Общественную собственность не следует путать с государственной. В государственной собственности, за которую часто выступают известные общественные реформаторы, государство или другой политический орган является хозяином производства. Трудящиеся не являются хозяевами своей работы, ими руководят государственные чиновники, которые контролируют и регулируют производство. Какими бы ни были условия труда, какими бы человечными и внимательными они ни были, основополагающий факт заключается в том, что не сами трудящиеся, а должностные лица распоряжаются средствами производства, распоряжаются продуктом, управляют всем процессом. Они решают, какая часть продукции должна быть зарезервирована для инноваций, для износа, для улучшений, для социальных расходов, какая часть должна принадлежать трудящимся, какая часть должна принадлежать им самим. Короче говоря, рабочие все равно получают зарплату, долю продукта, определяемую хозяевами. В условиях государственной собственности на средства производства рабочие все еще подвергаются и эксплуатируются правящим классом. Государственная собственность – это программа среднего класса, представляющая собой модернизированную и замаскированную форму капитализма. Общественная собственность производителей может быть единственной целью рабочего класса.

Таким образом, революция в системе производства тесно связана с революцией закона. Она основана на изменении глубочайших убеждений о праве и справедливости. Каждая производственная система состоит из применения определенной техники в сочетании с определенным законом, регулирующим отношения людей в их работе, закрепляющим их права и обязанности. Техника малых орудий в сочетании с частной собственностью означает общество свободных и равных конкурирующих мелких производителей. Техника больших машин в сочетании с частной собственностью означает капитализм. Техника больших машин в сочетании с общей собственностью означает свободное сотрудничество человечества. Таким образом, капитализм является промежуточной системой, переходной формой, возникающей в результате применения старого закона к новой технике. В то время как техническое развитие в огромной степени увеличило полномочия человека, унаследованный закон, который регулировал использование этих полномочий, остался практически неизменным. Неудивительно, что он оказался неадекватным, и общество оказалось в таком бедственном положении. Это самый глубокий смысл нынешнего мирового кризиса. Человечество просто не смогло вовремя адаптировать свой старый закон к новым техническим возможностям. Поэтому сейчас оно страдает от развала и разрухи.

Техника — это дарованная власть. Безусловно, ее стремительное развитие — это работа человека, естественный результат обдумывания работы, опыта и экспериментов, напряжения и конкуренции. Но как только она создана, ее применение происходит автоматически, вне нашего свободного выбора, навязано, как данная сила природы. Мы не можем вернуться, как того желали поэты, к общему использованию малых орудий труда наших предков. Закон, с другой стороны, должен быть введен человеком с продуманным подходом. В том виде, в каком он установлен, он определяет свободу или рабство человека по отношению к человеку и к его техническому оснащению.

Когда наследственное право, в результате безмолвного роста техники, превращается в средство эксплуатации и угнетения, оно становится объектом борьбы между общественными классами, эксплуататорами и эксплуатируемыми классами. До тех пор, пока эксплуатируемый класс покорно признает существующий закон как право и справедливость, его эксплуатация остается законной и бесспорной. Когда же затем постепенно в массах возникает растущее осознание их эксплуатации, в них пробуждаются новые концепции права. С растущим чувством того, что существующий закон противоречит правосудию, их воля побуждает изменить его и сделать их убеждения о праве и справедливости законом общества. Это означает, что ощущения того, что они ошибаются, недостаточно. Только тогда, когда в огромных массах трудящихся это чувство вырастает в такие ясные и глубокие убеждения в праве, что они пронизывают все существо, наполняя его твердой решимостью и огненным энтузиазмом, они смогут развить силы, необходимые для изменения общественного строя. Даже в этом случае это будет лишь предварительным условием. Тяжелая и длительная борьба, чтобы преодолеть сопротивление капиталистического класса, защищающего свое правление с максимальной силой, будет необходима для установления нового порядка.

Версия #1

Артём создал 30 декабря 2025 08:21:02

Артём обновил 30 декабря 2025 08:22:01